

М.К.Пак, А.М.Мудровская

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: miss_nastena@list.ru)

Языковая модель пространства в заговорных текстах

Заговорный текст, имеющий долгую устную традицию в культуре русского народа, включает в себе большой объем культурной информации о развитии русского языка. В статье рассмотрена особая лексика с локальным значением, выделенная авторами в русских заговорных текстах, образующая своеобразную картину мира. Данный комплекс лексики позволяет проследить динамику заговорного текста, его специфические черты.

Ключевые слова: заговор, заговорный текст, языковая картина мира, лексика с локальным значением, Алатырь-камень, остров Буян.

В контексте современной научной антропоцентрической парадигмы проблема наивной картины мира является актуальной. По мнению многих исследователей (Ф.И.Буслаева, А.Н.Афанасьева, А.А.Потебни и др.), «заговоры суть обломки древних языческих молитв и заклинаний» [1], где «отдельные элементы первобытного мировоззрения в виде языковых особенностей могут в нем сохраниться» [2, 442] и потому представляют один из наиболее важных и интересных материалов для исследователя доисторической старины. Заговорный текст несет в себе большой объем лингвокультурологической информации, которая позволяет создать определенную языковую модель мира русского человека.

В качестве объекта научного исследования заговоры рассматривались в работах И.П.Сахарова, Е.Н.Елеонской, В.В.Иванова, Н.Ф.Познанского, В.Н.Топорова. Уже с 30-х годов XIX в. русской лингвистике появляются работы по изучению языковых и структурных особенностей заговорных текстов.

Материалом для исследования в данной статье служат русские заговорные тексты из различных источников: заговорные формулы и описания магических действий, собранные П.Г.Богатыревым; сказания русского народа, зафиксированные И.П.Сахаровым, а также заговорные тексты из хрестоматий по славянскому фольклору. Общее количество заговорных текстов составляет 130 единиц. Описание материала целесообразно начать с общего употребления топонимов в заговорных текстах. Исходя из структуры заговорного текста выделяются место и роль пространственных обозначений в заговорной формуле, их функции в моделировании особой языковой картины мира.

Сюжетобразующим началом абсолютного большинства русских заговоров, имеющих в основе своей строгую структуру, выступает путь, пространственное перемещение героя, что может быть обусловлено, по мнению исследователей, несколькими причинами:

1. Заговорный текст, содержащий и описание обрядового действия, и сопровождающую его устойчивую заклинательную формулу, позволяет рассмотреть путь как движение к месту совершения ритуала.
2. Заговор, воплощая отдельные компоненты универсального семантического комплекса, «отражает идею посещения потустороннего мира с целью ликвидации исходной ущербности или достижения максимального осуществления новой ситуации» [3].
3. Образ пути мог актуализироваться вследствие присутствия в магической практике представления о тесной взаимосвязи события и возможности непосредственно воздействовать на жизнь индивидуума.

По мнению Е.Н.Елеонской, «дорога в заговоре — место всевозможных полезных и таинственных встреч. Отправление в дорогу — начало пути к новому, неизвестному» [4]. Сам путь в заговоре — определенная последовательность действий, перемещений заговаривающего от дома (профанического начала) к священному камню Алатырю, способному помочь.

Чаще всего заговорные тексты начинаются с указания места, откуда выходит заговаривающий. На основе проведенной статистической работы в зачине заговоров нами были выделены лексемы, обозначающие *реальные объекты мира русского человека*.

Наибольшую частотность (67 %) составляет лексема изба — пойду из избы в двери, из двора в ворота в чистое поле, в подвосточную сторону...; заговор на ловлю зверей: пойду из избы в двери, из

дверей в сени, из сеней на крылечко, с крылечка по лестнице в чистое поле, в твердые заводы, в восточную сторону, во темные леса...; заговор на поход: пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду в чистое поле, стану на восток лицом»; заговор от болестей: пойду... из избы дверьми, из ворот воротами, там есть огненная река...; от зубной боли: пойду... из избы дверьми, из двора воротами в чистое поле.

В 10 % исследуемых заговоров первый компонент *изба* отсутствует, и текст начинается с лексем *двери, ворота, сени*. Например, заговор от золотухи: *из дверей в двери, в чистое поле*; от болезней: *пошла я из дверей во двери, из ворот в ворота*; от лютой беды: *выхожу я в новы сени дубовые на широк двор заборчатый*; от недугов молодца: *иду я из ворот в чистое поле, в подвосточную сторону*. Употребление данных топонимов связано с необходимостью называния в начальной формуле заговоров места, откуда выходит заговаривающий.

Следующими по частотности топонимами, использующимися в заговорных формулах, являются: *бор, болота, зеленый луг, канава, канал, овраг, ручей, улица*. Данные топонимы используются в своем прямом значении: служат для номинации географических объектов, наиболее важных и распространенных в жизни крестьянина. Представленные лексемы чаще всего используются в заговорах, направленных на явления и объекты живой природы, — при выгоне скота, от укуса змеи, пастушьем заговоре.

В процессе исследования нами были выделены заговорные тексты, где начальная формула представлена предикатом в форме первого лица единственного числа, настоящего времени. Например, заговор от зубной скорби: *иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по каналам*; от лихого человека: *иду я по чистому полю, навстречу бегут семь духов с полудухами*; от лешего: *хожу я по лесам, по кустам, по мхам, по болотам*; на укрощение злобных сердец: *сажусь в сани, крытые бобрами, и соболями, и куницами*. Данная топонимическая организация, по замечанию В.Н.Топорова, «может рассматриваться как важнейший источник для реконструкции основополагающих координат мифопоэтического мира, хронотопа своего мира, т.е. присущего мифу способа освоения пространственно-временного единства» [5].

Вслед за заговаривающим, идущим по дороге, в заговорной формуле возникают ирреальные топонимы: *камень Латырь, море-окиян, остров Буян*. Данные топонимы употребляются в заговорных формулах достаточно часто, символизируя собой, по мнению Н.Ф.Познанского, «весь собор святителей, то место, где заговаривающий обнаруживает свою неотличимость от любого другого, оказавшегося на этом месте» [6; 39]. Рассмотрим на примерах особенности употребления данных топонимов.

Центральным локусом в заговорной формуле можно считать камень Алатырь. Камень Латырь в заговорной формуле олицетворяет собой центр мира и имеет следующие варианты: *камень Алтарь, камень Латарь, Алатырь камень*. В этимологическом словаре М.Фасмера приводится следующее толкование: «Алатырь — всем камням камень, близ которого упала Голубиная книга», «чудесный камень, который был возложен Спасителем в основание Сионского храма. Он был принесен с Синаи и поставлен там, как Алтарь [6]. В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» отмечается, что «Латырь — всем камням отец, наделяемый сакральными и целебными свойствами» [7]. Анализ всех словоупотреблений со словом «Латырь» в заговорах дает следующие результаты. Среди названий с собственным именем наиболее частотное сочетание *бел-горюч камень Алатырь*. «Бел-горюч камень Алатырь в материальной белизне сосредотачивал отвлеченное выражение святости и силы. Слово «бел» часто в русском фольклоре выступало именно в этом значении» [8]. Именно данной коннотацией и объясняется преобладание данного сочетания. Следующим по частотности является сочетание *Алатырь-камень*: от скорой dospешки: *в океан-море есть Алатырь камень*; от укуса змеи: *на камни на Латыри стоит дуб кроповой*; от грыжи: *в море-окияне лежит камень Алатырь*; сохранить оружие от порчи: *во святом море-окияне есть камень Латырь*. В небольшом количестве в ходе анализа было выделено словоупотребление *камень*: заговор от злого духа: *на синем море камень*; на кровь: *на мори на окияне лежит камень*. Реже лексема «камень» может употребляться с определением *синий*: *на кровь на синем море на синем камне*; от болестей: *на синем море на синем камне*.

Именно на Алатыре и находится сила, способная помочь заговаривающему. Например, заговор на кровь: *на Алатыре сидит пресвятая Богородица, держит в руке иглу золотую, вдевает нитку шолковую, зашивает рану кровавую...*; от скорой dospешки: *...на Алатыре сидит человек, он стреляет по чисту полю, а убивает всякие боли*; от уроков: *на камне Латыре есть три брата родимые, три друга сердечные: один судит, другой дела отправляет, третий уроки заговаривает*; от пореза: *на том камне сидит красная девица, швея мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шел-*

ковую, рудожелтую, зашивает раны кровавые. На камень Алатырь может вставать или находиться там и сам заговаривающий: на сбережение полюбовного молодца: *на горюч камень Алатырь становилась, частыми звездами обтыкалась, темным облаком покрывалась*; заговор красной девицы от недугов молодца: *становлюсь я, девица, на бел-горюч камень Алатырь, опоясываюсь белой пеленой*. Вероятно, что «присутствие» заговаривающего на священном камне Алатыре придавало заговору особую магическую силу, усиливая его прагматический компонент.

В анализируемых заговорных текстах Алатырь-камень расположен «на море-окиане острове Буяне». Рассмотрим функциональные особенности словосочетания *море-окиан*. В заговорных формулах были выделены следующие варианты данного гидронима: *Каян, Кидань, Китай, Киян, Окиан*. Чаще всего именно с него начинаются заговоры в тех случаях, где отсутствует формула «из дверей в двери...». По замечанию исследователя О.Д.Кузнецовой, «в русском языке почти нет других слов для обозначения моря. Не только литературным, но и диалектным является употребление слова «море» для обозначения океана» [9]. В заговорах сочетание *море-окиан* употребляется в следующих вариантах: сохранить оружие: *«есть святое море-окиан»*; на остановление руды, от пореза, от ужаления змеи, от бешеной собаки, на любовь, от оборотня, от родимца: *«на море на окиане»*. Реже в заговорной формуле данный топоним может сопровождаться определениями: от пищалей и стрел: *окиан-море железное*; кровь заговаривать: *есть великий окиан-море*. Употребление данного топонима в заговорах настолько тесно связывается с другими мифическими реалиями, что оно может рассматриваться только в контексте, никакого реального прототипа здесь выявить не представляется возможным. Как отмечает В.Н.Топоров, «локализация здесь необходима как указание на ритуальную роль моря» [10].

Вслед за приложением «окиан-море» в заговорной формуле используется сочетание *остров Буян*. В этимологическом словаре М.Фасмера приводится следующая этимология данной лексемы: «буян — открытое со всех сторон возвышенное место; базарная площадь, амбар. Согласно теории А.А.Потебни, от корня «буй» — дикий, надменный; нечто возвышенное». В процессе анализа нами были выделены варианты номинации «чудесного» острова: *Белой остров, Божий остров, Златый остров, Святой Буй, Свят остров*.

В заговоре на острове на Буяне чаще всего *лежит камень Алатырь, а также стоит дуб; лежит доска, на той доске лежит тоска; стоит дуб ни наг, ни одет; стоит железный сундук, в железном сундуке лежат ножи булатные; стоит дом, а в том доме сидит старица, а держит она жало*. Именно на острове Буяне находятся сверхъестественные персоналии либо силы, способные оказать помощь заговаривающему. Именно на Алатыре *сидит пресвятая Богородица, зашивает раны иголкойю...*

Следует заметить, что в заговорных формулах частотным является предикат «буйать», если речь идет о ветрах или болезнях, уроках, ссылаемых на мхи, на болота, на поганые воды, или в хорошие места — на перины и подушки. Например, заговор от грыжи: *там вам гуляць и буйаць, а на етыго раба божьего молодца пора забывать*. Как мы видим, в сознании человека остров Буян осмысливался как реальный объект действительности, обладающий сакральным смыслом. Реже остров получает номинацию «быстрый» — *на быстрым Буяни* или название осмысливается как относящееся к реке *на быстрой Бояне*.

Вслед за употреблением в заговорной формуле ирреальных топонимов — *моря-окианна, острова Буяна и камня Алатыря*, достаточно прочно закрепился и важнейший топоним, номинирующий явление реального мира — *восточная сторона*. В заговорных текстах нами были выделены следующие варианты употребления лексемы «восток» и образованных от нее прилагательных. *Восток*: от болезни молодца: *встала я в красную утреннюю зорю, пошла к Окиан морю, глядучи на восток*; на поход *встану на восток лицом, на запад хребтом*; на посадку пчел в улей: *стану я на восток, против дальней стороны*. *Восточная сторона*: от ноктя: *пойду в восточную сторону, в восточной стороне есть черно море*; от укуса змеи: *выйду со двора воротами, в чистое поле на восточную сторону*; на удачную ловлю: *пойду из избы в двери, из дверей в сени, из сеней на крылечко, с крылечка по лестнице в восточную сторону*. В сознании русского человека восточная сторона всегда ассоциируется с восходом солнца, символизирующего начало нового дня, новой жизни. Поэтому не случайно заговорный текст акцентирует именно восток, восточную сторону как место, где находятся целебные, магические силы, способные помочь заговаривающему.

В небольшом объеме заговорных текстов было выделено сочетание *западная сторона*, которое выступает в роли оппозитива восточной стороне: *Встану я, добрый молодец, и выйду не дверьми за*

новые ворота, в чистое поле, в западную сторону, в западной стороне стоят три беса... Данное словосочетание употреблено в так называемой «присушке», любовном заговоре. Очевидно, что употребление негативной лексики «западный» вместо сакральной «восточный» связано с архаичными представлениями и бинарной оппозицией «восточный-западный». По замечанию А.Н.Афанасьева, «с закатом дневного светила в западной стороне как бы приостанавливается вечная деятельность природы, приходят мрак и холод, просыпаются нечистые, злые и разрушительные силы...» [11]. Любовный заговор, направленный на человека, должен обладать большой магической силой, поэтому сознание человека требует привлечения всех возможных средств — как традиционных, закрепленных, так и обратных.

Выше мы рассмотрели движение заговаривающего от дома к сакральным топонимам: *дом → сени → двор → поле → море-океан → остров Буян → камень Латырь*, т.е. движение вовне. Заговорные тексты уникальны тем, что движение может направляться внутрь — при изгнании болезни у животных или из органов человеческого тела. Данное движение образует определенную синтаксическую структуру, которая рассматривается Т.В.Топоровой следующим образом: «Ядро такой структуры образуют названия частей тела, расположенные в определенной последовательности: А-В, В-С, С-Д» [12]. Например, заговор от отека: *отек, падай с моста на кость, с кости на мясо, с мяса на волос, с волоса на зеленую траву*; от ноктя у скотины: *голой зверь, рысь, побежи в чисто поле, из моей скотиньки вынимай ноктища, из туши в кожу, из кожи в шею, из шеи в голову вон*; от опоя скота: *опой опойный, выходи с головы, с головы в суставы, из суставов в ногу, из ноги в землю*.

Исходя из структурного комплекса лексем с локативным значением, представляется возможным выявить пространственную организацию заговорного текста, своеобразную наивную картину мира русского заговорного текста:

Кто-то
Едет куда-то (место),
Встречает сверхъестественное существо,
Которое сидит (стоит, лежит, идет).
Где-то (место)
Его просят о чем-то.
Оно выполняет заговор,
Заговаривающий закрепляет слова
И кладет что-то,
Куда-то (место).

Здесь обращает на себя внимание троекратная приуроченность: *заговаривающий — место, персонаж — место, закрепка — место*. Путем троекратной приуроченности лиц и их действий к определенному месту осуществляется пространственная организация заговорного универсума.

Таким образом, заговорный текст представляет собой особый, четко выстроенный порядок указания лексем с локативным значением (реальных и ирреальных), что придает ему своеобразную формульность и логическую завершенность.

Список литературы

- 1 Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. — М., 1996.
- 2 Сперанский М. Русская устная словесность. — М., 1912–1913.
- 3 Шиндин С.Г. Пространственная организация русского заговорного универсума. Образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. — М.: Наука, 1993. — С. 108–121.
- 4 Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство и колдовство в России: Сб. тр. — М.: Индрик, 1994. — С. 73.
- 5 Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. — М.: Наука, 1980. — С. 451.
- 6 Познанский Н.Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. — М.: Индрик, 1995. — 302 с.
- 7 Славянская мифология. Энцикл. словарь. 2-е изд. — М.: Междунар. отношения, 2002. — С. 19.
- 8 Богословская О.И. Язык фольклора и диалект // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1974. — С. 117.
- 9 Кузнецова О.Д. Морюшко, море синее // Русская речь. — 1982. — № 4. — С. 112.

10 *Топоров В.Н.* Об индоевропейской заговорной традиции // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. — М.: Наука, 1993. — С. 81.

11 *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. Избр. Статьи — М.: Современник, 1982. — С. 47.

12 *Топорова Т.В.* Индоевропейские параллели древнегерманских заговоров // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2. — С. 143.

М.К.Пак, А.М.Мудровская

Дуалау мәтіндеріндегі кеңістіктің тілдік үлгісі

Орыс халқының мәдени салтында, орыс тілінің дамуы мен мәдени ақпаратында ауызша дуалау мәтіні маңызды орын алады. Мақалада әлемнің тілдік бейнесін құрайтын орыс халқының дуалау мәтіндеріндегі ерекше лексиканың жергілікті мағынасы қарастырылады. Аталған лексикалық қабат дуалау мәтінінің дамуын қадағалауға, оның ерекше белгілерін анықтауға мүмкіндік береді.

М.К.Пак, А.М.Мудровская

Language model of space in zagovorny texts

The charmed text, having a long oral tradition in the culture of Russian people, considers a big amount of cultural information about development of the russian language. The special lexic with local meaning is analyzed in our article which makes special view of the world. This complex of the lexic helps to follow the dynamic of the charmed text, his special kind.

УДК 81' 23

Ж.Т.Ермекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана (E-mail: Zhannat2211@yandex.ru)

Парадигмы образов в художественном тексте Д.Накипова

В статье рассматриваются парадигмы образов с номинантой «человек», которые рождаются в сознании билингвальной творческой личности, воспитанной на казахской и русской культурах. Парадигмы образов формируются восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями, интуицией. Исследование языковых средств, к которым обращается казахский писатель при создании художественных образов на русском языке, свидетельствуют как об особенностях творчества билингвального писателя, так и о своеобразии обеих языковых культур.

Ключевые слова: билингвальная творческая личность, образ, парадигма, метафизичность.

Наиболее ярко образная система обнаруживает себя в поэтической и шире — в художественной речи: концентрированным выражением подчеркнутой семантической двуплановостью, очевидными проявлениями формульности и в то же время многообразием нестереотипных индивидуальных реализаций, различными семантико-эстетическими трансформациями конкретных образов, аллюзивностью и т.п. Изучение образного языка имеет большую традицию прежде всего в лингвистике художественного текста, в лингвопоэтике — при описании образной системы конкретного произведения, автора, литературного направления, поэтического языка в целом.

Образ несет и знание (информацию), и ценности, и нормативные предписания, но не прямо, а опосредованно, когда видимая незначительная часть «приглашает» почувствовать и пережить невидимое, но предполагаемое и в этом смысле почти реальное, основное содержание. И не только пережить, но и соотносить с идеалом через эстетическую оценку по шкале: от прекрасного до безобразного.